

1988. - 25 июня

ТЕМА СЕЗОНА

«Я представляла себе, что периферия неоднородна, но я не понимала, что театральная периферия даже сезона — это бесконечная борьба за право считаться Театром, за право поиска и сопряженных с ним ошибок, за право серьезного отношения к работе».

В. ЕФРЕМОВА.
(Из книги
«Поиски сути»).

Встреча была заочной. Диалог двух секретарей правления СТД РСФСР — народной артистки РСФСР В. Ефремовой, главного режиссера Калининского областного драматического театра, и народного артиста СССР Р. Агамирзяна, руководителя Ленинградского драматического театра им. В. Ф. Комиссаржевской, — произошел «без отрыва от производства». На репетициях, в антрактах спектаклей два известных мастера поделились своими мыслями о проблемах сегодняшней сцены...

«Сталиваясь в повседневности с различными явлениями внутренней жизни театра, поневоле задумывался над тем, как создается и чем разрушается этот «дух творчества». И главное, как, каким образом, какими путями и способами можно его наладить?»
Р. АГАМИРЗЯН.
(Из книги
«Враля. Театр. Режиссер»).

В антракте

В. Е. Вот завершилась репетиция «В день свадьбы» В. Розова. Посмотрите на актеров. Ведь действительно удовольствие на лицах. Нет, я не оцениваю то, что получается, — этим займется критики и зрители. Речь о том, что в этой достаточно давней пьесе — целая россыпь отнюдь не устаревших душевных состояний, их конфликтов и взаимовлияний. Выпустили недавно «Детей Арбата». Тем же объясняется популярность этого произведения, а не только модной темой, в чем убеждены противники ее постановок. Схематизм героев, положений в театральных работах последних лет действовал изнуряюще. Опрошение всего и вся, постыдная приближенность того, что играем, стали приметой времени. Сегодня заговорили обо всем и сразу, теперь вот выслушиваем бездну порой взаимоисключающих советов, как жить дальше. Тяжелый груз компримиссов висит на театре. Долги перед зрителями, всей страной, вступившей на тернистый путь искоренения лжи. Здесь бы и повернуться лицом к болевым точкам бытия (ведь позволено же, приветствуется!) — аи нет, не до того. Бросились выяснять взаимоотношения друг с другом. Мы уже волюю наслаивались о событиях в вологодской драме. Новгороде. Притчей во языцех стали изнуряющие закулисные баталии в драмтеатре города Жданова. Не отстают и некоторые столичные коллективы. До искусства ли?..

Р. А. Я знаю, что такое взрывоопасная атмосфера в театре. У комиссаржевцев она была в 1966 году. Тогда в эту атмосферу я и пришел на должность главного режиссера. Исцеляет работа — честная, профессионально пригодных людей. Все. В другие реценты не верите. Но ни о какой работе речь идти не может, если к руководству в искусство, культуру, театральном образовании по-прежнему приходят люди, знающие об этом понаслышке. Я ведь действительно видел директора театра, который всерьез настаивал на переносе утренних репетиций на середину дня, чтобы вместе с вечерним спектаклем у актера получался непрерывный рабочий день. Вот так, ни больше и ни меньше. Убеден, что ненормальная обстановка в нашем Ленинградском театральном институте началась с приходом туда на должность ректора человека, даже косвенно не связанного с искусством. А недавняя трагедия в нашей Библиотеке Академии наук? Пожар уложил на больничные койки три десятка человек. 400 тысяч книг, среди которых бесценные реликвии Отечества, безвозвратно потеряны. Академик Д. Лихачев назвал это национальным бедствием. Так вот, директорствовал (истати, по совместительству) там в момент этого бедствия... врач-онколог. Давайте откровенно, управления культуры,

партийные инстанции очень неохотно расстаются со своими полномочиями расставлять в учреждениях искусства и культуры людей по своему образу и подобию. Но в то же время я почему-то никогда не получал предложения возглавить химкомбинат или авиазавод...

В. Е. Руководить искусством — значит ему помогать. Уж коли утверждают, что мы на передовой идеологической борьбы, так и вспоминать о нас стоит почаще, а не тогда когда понадобился театральный зал под очередное заседание. Мы понимаем, что Калинин — это не Москва и не Ленинград. Но это университетский город на пути «из Петербурга в Москву». То, что в какое-то время связи горожан со своим театром оказались утраченными, — вина прежде всего наша, это так. Нет, острого конфликта не было, зритель шел, спектакли отмечались на фестивалях, даже иногда записывались на радио и ТВ, но благополучие было, конечно, предпринизным. Уверена, что нашего коллектива это коснулось не в самой большой степени, но на равнодушие, неуважение к себе со стороны городских властей театр, и особенно периферийный, ответил равнодушием к зрителю. Тяжело говорить, но это было — было равнодушие. (Сегодня, как кошмарный сон, вспоминаю, что несколько лет назад под недремлющим оком «цензора» из солидного кабинета я подписывала каждую страницу режиссерского экземпляра очень дорогой для нашего коллектива пьесы «Не спится ночью», тем самым гарантируя, что купюры не прозвучат с подмостков).

Но чем больше читаю я сегодня великолепных статей в журналах и газетах, чем чаще в телепрограмме появляются передачи, которые зритель предпочтет (это очевидно!) театральному спектаклю по знакомому произведению, тем лучше понимаю, что нужен театру принципиальный поворот к Островскому, Чехову, Толстому, Горькому и даже античности. В новом качестве, разумеется. Глубокое, философское осмысление происходящих в стране перемен, исследование не на уровне факта, но на уровне явления — это то, чего не хватает сегодня искусству, прозе, журналистике. И здесь без классиков национальной литературы не обойтись. Перечитайте, если подзабыли, «Чайку», «Вишневый сад». Чехов не во вчерашнем дне и даже не в сегодняшнем. Его мысли, наблюдения и прогнозы сорентированы в день грядущий.

С русской классикой отношения у калининцев действительно «отлаженные». Успех протяженности в 13 лет «Вишневого сада» (последние три года Раманюсю играла Вера Васильева из Московского театра сатиры). Затем «Светит, да не греет». А. М. Островского и Н. Я. Соловьева. Глубокий, стилистически безупречный Островский в Калининском театре — добрая примета кол-

лентива в последнее десятилетие (на памяти у зрителей и специалистов «Волни и овцы», «Последний жертва»). А вот обращение молодого очаровательного режиссера Валерия Парискина и «Ваня» — поступок действительно рискованный, но по большому счету оправданный. Свободная, эраичная форма представления, специальные афиши и программы, обязательное упоминание в монтантах со зрителем — драматический спектакль по существу становится ярким, публицистическим представлением, в котором сравнение с Победоносиковым и его командой переносится в день сегодняшний и в нем не заканчивается. Калининцы устраивают хорошую баню борюратам давно мнущих дней не потому, что они были, а потому, что обещали нас существовать, себе подобными, на много лет вперед.

Труппа областного драмтеатра невелика. Момент, отсюда некоторые натаили в массовых сценах спектакля по Маяковскому. Что же касается лидеров театра — они на высоте в двух последних работах. А. Чуйков (Залещин, Победоносиков), И. Андрианова (Ранева), К. Ювенов (Рабатов, Велосипедчик), Н. Хоника (Мадонна Мозаллисова), О. Дубовицкая (Оля Васильевна), В. Чернышов (Дарюгин, тов. Фоскин) — очень правильно, что именно калининцы возродили сегодня антирские банефисы. Это значит, в непростых сегодняшних поисках находится место добрым традициям русской сцены.

Р. А. Не понимаю традиционного отношения к классике как к панацее от всех бед. В нашем репертуаре есть Горький, Найденон, Булгаков. Заслуженная гордость комиссаржевцев — историческая трилогия А. К. Толстого. Здесь нет спора, классическое наследие всегда было и будет фундаментом драматического искусства. Но сердцевинной репертуара должна быть современная пьеса. Я понимаю, что в этом пока задержка. Нужно набраться терпения, мудрости и ожидать. И уж во всяком случае воздерживаться от такой нервной суматохи, которую устроили вокруг пьесы Шатрова «Дальше... дальше... дальше!». Это же первая ласточка! Есть такое понятие — «образное допущение», а почтенные ученые замучили «историческими несоответствиями».

Рубен Агамирзян знает цену творческому содружеству с драматургом. Старых друзей а его театре ценят. Во имя новых умает рисковать. И. Симонен, И. Думбадзе, И. Друца — это прекрасные страницы невеликой летописи областного театра.

«Мир без китов» — первая пьеса молодого московского журналиста Андрея Яхонтова. Новый спектакль Театра им. В. Ф. Комиссаржевской в постановке В. Гринко — попытка сыграть свое слово в противоречивом и беззаболзанном споре, что неведом мы сейчас, упоная на необратимость начавшихся в тем апреле перемен.

Рубен Агамирзян не ждет, а делает конкретные шаги навстречу драматургии, литературной, уст-равляющей и драматическому искусству. Выпустит «Колыму» И. Дуряцкого, да и «Мир без китов» — один из таких шагов. Обнаженный нерв публицистики А. Яхонтова оказался созвучным гражданскому и творческому поиску коллектива Театра им. В. Ф. Комиссаржевской. Не только ли новой дружбы театра и автора? Зритель, принявший новый спектакль, похожа, такую вероятность не исключает.

(Окончание на 10-й стр.).